

Предисловие ко второму изданию

Кто бы подумал, что буря свирепствует тем сильнее, чем дальше позади остается рай?

Вооруженные конфликты 1978–1979 гг. в Индокитае, давшие прямой повод для написания первого варианта «Воображаемых сообществ», теперь, по прошествии всего-то двенадцати лет, кажутся уже принадлежащими другой эпохе. Тогда меня тревожила перспектива грядущих полномасштабных войн между социалистическими странами. Теперь половина из них отправилась в лучший мир, а остальные живут в опасении скоро за ними последовать. Войны, с которыми сталкиваются выжившие — гражданские войны. Скорее всего, к началу нового тысячелетия от Союза Советских Социалистических Республик не останется почти ничего, кроме... республик.

Нельзя ли было как-то все это предвидеть? В 1983 г. я писал, что Советский Союз «в такой же мере наследник донациональных династических государств XIX века, в какой и предвестник интернационалистического порядка XXI века». Однако, отслеживая националистические взрывы, сокрушившие огромные многоязычные и полиэтнические государства, управляемые из Вены, Лондона, Константинополя, Парижа и Мадрида, я не смог увидеть, что маршрут уже проложен, по крайней мере для Москвы. Какое меланхолическое утешение наблюдать, что история, похоже, подтверждает «логику» «Воображаемых сообществ» лучше, чем это удалось сделать их автору!

За истекшие 12 лет изменился не только облик мира. Поразительные изменения произошли и в изучении национализма: как качественные (в методе, масштабах, утонченности), так и чисто количественные. Только на английском языке вышли в свет (если назвать лишь немногие ключевые тексты):

«Нации до национализма» Дж. Э. Армстронга (1982);

«Национализм и государство» Джона Брэйи (1982);

«Нации и национализм» Эрнеста Геллнера (1983);

«Социальные предпосылки национального возрождения в Европе» Мирослава Хроха (1985);

«Этнические истоки наций» Энтони Смита (1986);

«Националистическая мысль и колониальный мир» П. Чаттерджи (1986);

«Нации и национализм после 1788 года» Эрика Хобсбаума (1990).

Эти книги, благодаря своему широкому историческому охвату и теоретической силе, сделали традиционную литературу по данному вопросу в значительной степени устаревшей. Благодаря в том числе и этим работам колоссально возросло количество исторических, литературных, антропологических, социологических, феминистских и иных исследований, в которых объекты этих областей изучения связывались с национализмом и нацией[15].

Адаптировать «Воображаемые сообщества» к требованиям, которые предъявляют эти обширные изменения в мире и в тексте, — задача, которая в настоящее время мне не по силам. А потому, видимо, лучше будет оставить эту книгу в значительной степени «неотреставрированным» памятником того времени, с присущим ему характерным стилем, силуэтом и настроением. При этом меня утешают две вещи. С одной стороны, полный и окончательный результат процессов, происходящих в старом социалистическом мире, пока еще остается сокрыт в неясности будущего. С другой стороны, идиосинкратический метод и интересы «Воображаемых сообществ» до сих пор остаются, как мне кажется, на передовых рубежах новейшей науки о национализме — и по крайней мере в этом смысле остаются не вполне превзойденными.

В настоящем издании я лишь попытался исправить ошибки в фактах, концепциях и интерпретациях, которых мне следовало бы избежать еще при подготовке первоначальной версии. Эти исправления — так сказать, в духе 1983 г. — включают несколько изменений, внесенных в текст первого издания, а также две новые главы, которые по существу имеют характер самостоятельных приложений.

В основном тексте я обнаружил две серьезные ошибки перевода, по крайней мере одно невыполненное обещание и один вводящий в заблуждение акцент. Не умея в 1983 г. читать по-испански, я неосмотрительно положился на английский перевод *Noli te tangere* Хосе Рисаля, выполненный Леоном Марией Герреро, хотя были и более ранние переводы. Только в 1990 г. я обнаружил, насколько обворожительно версия Герреро портила оригинал. Приводя большую и важную цитату из работы Отто Бауэра «*Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie*»[16], я лениво положился на перевод Оскара Яси. Позднейшая сверка с немецким оригиналом показала мне, насколько приводимые Яси цитаты окрашены его политическими пристрастиями. По крайней мере в двух местах я опрометчиво пообещал объяснить, почему бразильский национализм развился так поздно и своеобразно по сравнению с национализмами других стран Латинской Америки. В настоящем тексте я попытался выполнить нарушенное обещание.

Частью моего первоначального плана было подчеркнуть, что национализм зародился в Новом Свете. У меня было ощущение, что лишенный самосознания провинциализм издавна искривляет и искажает теоретизирование по данному вопросу. Европейские ученые, привыкшие тешить себя мыслью, что все важное в современном мире зародилось в Европе, вне зависимости от того, были они «за» или «против» национализма, с необыкновенной легкостью брали за отправную точку в своих построениях этноязыковые национализмы «второго поколения» (венгерский, чешский, греческий, польский и т. д.). Во многих отзывах на «Воображаемые сообщества» я с удивлением для себя обнаружил, что этот евроцентристский провинциализм так и остался совершенно непоколебленным, а

основополагающая глава о роли Америк — по большей части незамеченной. К сожалению, я не нашел лучшего способа «сразу» решить эту проблему, кроме как переименовать главу 4, назвав ее «Креольские пионеры».

В двух «приложениях» предпринимается попытка исправить допущенные в первом издании серьезные теоретические изъяны[17]. В дружеской критике неоднократно высказывалось мнение, что глава 7 («Последняя волна») слишком упрощает процесс, посредством которого моделировались ранние национализмы «третьего мира». Кроме того, в этой главе не был серьезно рассмотрен вопрос о роли локального колониального государства (в отличие от метрополии) в оформлении этих национализмов. В то же время я с нелегким сердцем осознал, что тому, что я считал существенно новым вкладом в размышление о национализме — а именно, анализу изменяющегося восприятия времени, — явно недостает его необходимого дополнения: анализа изменяющегося восприятия пространства. Блистательная докторская диссертация молодого тайского историка Тхонгчая Виничакула подтолкнула меня к размышлению о том, какой вклад внесла в националистическое воображение картография.

Исходя из этого, в главе «Перепись, карта, музей» анализируется, как колониальное государство XIX столетия (и политика, вытекавшая из склада его мышления), совершенно того не сознавая, диалектически породило грамматику национализмов, восставшую со временем против него самого. Можно даже сказать, что государство, словно в зловещем пророческом сновидении, вообразило своих локальных противников еще задолго до того, как они обрели своё историческое существование. В формирование этого воображения внесли свой взаимосвязанный вклад абстрактная квантификация/сериализация людей, осуществленная переписью, постепенная логотипизация политического пространства, осуществленная картой, и «экуменическая», профанная генеалогизация, осуществленная музеем.

Источником второго «приложения» стало позорное для меня осознание того, что в 1983 г. я цитировал Ренана, нисколько не понимая, о чем он действительно говорил: я принял за легкомысленно ироничное то, что было на самом деле вызывающе эксцентричным. Это же ощущение позора заставило меня осознать, что я не предложил сколь-нибудь вразумительного объяснения того, как и почему новорожденные нации вообразили себя древними. То, что в большинстве ученых писаний представало как макиавеллианский фокус-покус, буржуазная фантазия или эксгумированная историческая истина, поразило меня теперь как нечто более глубокое и интересное. Не была ли, скажем, «древность» в некотором историческом сцеплении необходимым следствием «новизны»? Если национализм и в самом деле, как я предполагал, был выражением радикально изменившейся формы сознания, то не должно ли было осознание этого разрыва и неизбежное забвение старого сознания создать свой собственный нарратив? С этой точки зрения атавистическое фантазирование, характерное после 20-х годов прошлого века почти для всего националистического мышления, оказывается эпифеноменом; что действительно важно, так это структурное соединение националистической «памяти» после 1820-х годов с внутренними предпосылками и конвенциями современной биографии и автобиографии.

Несмотря на все возможные теоретические достоинства или недостатки, свойственные этим двум «приложениям», каждое из них имеет свои особые, более прозаические ограничения. Все данные для главы «Перепись, карта, музей» были взяты в Юго-Восточной Азии. В некоторых отношениях этот регион дает замечательные возможности для сравнительного теоретизирования, так как включает ареалы, колонизированные в прошлом едва ли не всеми великими имперскими державами (Англией, Францией, Голландией, Португалией, Испанией и Соединенными Штатами), а также неколонизированный Сиам. Тем не менее, надо еще посмотреть, может ли проделанный мною анализ, пусть даже правдоподобный для этого региона, быть убедительно применен ко всему миру. Во втором приложении схематичный эмпирический материал относится почти исключительно к Западной Европе и Новому Свету, регионам, относительно которых мои познания весьма поверхностны. Однако сосредоточить внимание необходимо было на них, поскольку именно в этих регионах впервые всецело обнаружили себя амнезии национализма.

Бенедикт Андерсон Февраль 1991 г.

Версия #1

Зверобой создал 12 апреля 2025 23:04:40

Зверобой обновил 12 апреля 2025 23:05:22